

В. А. Зверев

**СИБИРСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ:
СУБРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Опубликовано: Зверев, В. А. Сибирский демографический календарь: субрегиональные и поселенческие варианты во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. : сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск : Параллель, 2008. – С. 96–112.

Несколько лет назад автор настоящей статьи предложил внести в тезаурус социальной истории и других гуманитарных наук понятие народного демографического календаря¹. Народный демографический календарь (НДК) можно определить как устойчивый общепринятый в конкретной социальной среде объективно и субъективно обусловленный способ хронологической организации в течение календарного года демографического поведения людей как составной части их биосоциального образа жизни, а также производных от этого поведения демографических событий и социальных процессов. В зависимости от того, какую сферу демографического поведения людей календарь регулирует и оформляет, можно различать следующие основные составные части, или аспекты НДК: матримониальный (брачный), репродуктивный (детородный), витальный (жизнеохранительный), летальный, миграционный календари.

Разным историческим типам народной культуры, сменяющим друг друга во времени, но иногда в каких-то своих сегментах существующим синхронно, как нам представляется, соответствуют традиционный, переходный, современный и иные исторические типы НДК. В зависимости от выбранного для научного изучения субъекта демографического поведения можно говорить об индивидуальном, семейном, крестьянском, деревенском,

городском, региональном, локальном, конфессиональном, этническом и иных вариантах, или разновидностях НДК.

Историография и степень изученности темы

Уже давно некоторые аспекты посезонного распределения браков у русских, но, как правило, безотносительно к типам их поселений, интересовали специалистов по этнографии. Ими были сделаны выводы, распространяющиеся и на Сибирь, о том, что традиционно время молодежных добрачных игрищ и свадеб определялось с учетом календаря сельскохозяйственных работ и церковного календаря². В ряде наших работ рассматривались основные параметры деревенского семейного календаря русских сибиряков, а также жителей Русского Севера второй половины XIX – начала XX в.³ Это весьма важный и интересный период, когда русский этнический и российский национальный НДК втягивались в модернизационные демографические и социокультурные процессы. Историк В.И. Баяндин, работая в краеведческом ключе, выявил помесечное и посезонное распределение браков и тесно связанных с рожденьями крещений в некоторых конкретных русских селениях Томской губ. того же периода⁴. Историк А.Н. Сагайдачный подтвердил наши выводы относительно сезонности зачатий и рождений в крестьянской среде, анализируя данные по с. Викулово Тарского окр. (уезда) Тобольской губ. за длительный период 1863–1914 гг.⁵

Однако ограничиваться изучением деревенского демографического календаря (ДДК) было бы неправильно, ведь на рубеже XIX–XX вв. прежде всего не в селениях, а в городах разворачивались модернизационные изменения. Формируя программу исследований сибирского регионального НДК, еще в 1999 г. мы наметили задачу выявления специфики сезонного распределения демографических событий в городах, чтобы продвинуть

исследование «начального периода модернизации демографических представлений и образа жизни всех русских сибиряков»⁶.

На рубеже XX–XXI вв., действительно, городской демографический календарь (ГДК) Сибири досоветского периода стал объектом изучения историков, хотя соответствующее понятие ими не использовалось. Ежегодное распределение свадеб по месяцам и сезонам в православном населении Барнаула за 1762 г., Каинска за 1826–1830 гг., Бийска за 1845 г. определил В.И. Баяндин, используя первичные данные метрических книг⁷. Аналогичные источники мобилизовала тюменская исследовательница К.В. Лобанова, установившая соотношение числа осенних и зимних браков у городских крестьян Тюмени на рубеже XIX–XX вв.⁸

В.А. Скубневский и Ю.М. Гончаров, изучая период второй половины XIX – начала XX в., расширили территориальные рамки работы на всю Западную Сибирь, выявили распределение не только браков, но и рождений⁹. Они опирались как на первичные, так и на ранее уже статистически аккумулярованные данные метрических книг православных церквей Барнаула за 1871–1874 гг., городов Тобольской губ. за 1902 и 1909 г., Омска за 1913 и 1916 г. Барнаульские ученые сравнили календарное распределение браков и рождений в выделенных ими городах и в сибирских селениях, извлекая деревенские данные из наших публикаций. Был сделан вывод о большой схожести ситуации в поселениях обоего типа – «в силу действия общих религиозных факторов»; обнаружилась и некоторая специфика, причину которой авторы увидели «в различиях хозяйственной деятельности горожан и крестьянства»¹⁰. Календарь смертности западносибирскими историками-горооведами до сих пор не рассматривался, а применительно к Восточной Сибири не изучались и другие составные части ГДК.

Задачи работы, источники для исследования, его методика

Задачи настоящего исследования заключаются в следующем: 1) привлекая новые источники, выявить общие черты и особенности брачного, репродуктивного, летального календарей в селениях и городах разных губерний (субрегионов) Сибири, определить степень близости сибирского ГДК деревенскому календарю; 2) охарактеризовать роль основных факторов существования и развития сибирского регионального демографического календаря, его поселенческих вариантов в мирные годы второй половины XIX – начала XX в., апробировать постановку вопроса о влиянии на него политических потрясений начала XX столетия (на примере событий 1904 г.).

Базовыми источниками для работы стали вторичные материалы – статистические данные об ежегодном демографическом цикле в селениях и городах ряда субрегионов Восточной и Западной Сибири. Эти данные обобщающего характера восходят к систематическим записям актов рождения, бракосочетания и смерти в метрических книгах православных и иноконфессиональных церковных учреждений, а у старообрядцев – также к специальным книгам административно-полицейского учета, в которых «раскольникам» полагалось регистрировать соответствующие демографические события. Издатель и статистик А.И. Ефимов обработал, прокомментировал и опубликовал в свое время поступившие от причтов православных церквей в губернский статкомитет сведения о демографических событиях, происшедших на всей территории Томской губ. за 11-летний период 1870–1880 гг.¹¹ Сходные по происхождению и структуре, но относящиеся не только к православным, данные об естественном движении населения всех городов и селений Тобольской и Енисейской губ. за 1902–1903 гг., Енисейской и Иркутской губ. за 1904 г. были аккумулированы в губернских статистических органах. Затем они прошли проверку в Министерстве внутренних дел России и были напечатаны в официальных изданиях Центрального статистического комитета¹².

Немаловажные достоинства привлеченных здесь источников заключаются в том, что они: а) отражают демографические события,

происходившие не в отдельных городах и селениях, а на обширной территории, охватывавшей до двух-трех губерний и в Западной, и в Восточной Сибири; б) характеризуют ситуацию, как правило, не за один отдельно взятый год, а за более длительные периоды, что исключает или минимизирует нежелательный элемент случайности, «нетипичности» рассматриваемой ситуации. Особняком здесь стоит 1904 г.: сведения о нем мы мобилизовали именно по причине его экстремальности (началась Русско-японская война, обострились социальные и политические противоречия внутри России) для сравнения с относительно «нормальными» предшествующими годами. Можно уверенно говорить о репрезентативности привлеченных данных для характеристики ситуации, существовавшей во всей Сибири на протяжении длительного периода второй половины XIX – начала XX в. Адекватно оценить то демографическое пространство, в пределах которого формировалось помесечное распределение интересующих нас событий – свадеб, зачатий, рождений и смертей, позволяет таблица 1.

1. Количество демографических событий в поселениях разного типа во второй половине XIX – начале XX в., в среднем за год*

Тип поселений	Браки	Зачатия, рождения	Смерти
Томская губ. 1870–1880 гг.			
Селения	6880	39 717	20 085
Города	493	3114	3166
Тобольская губ. 1902–1903 гг.			
Селения	14 113	85 787	62 699
Города	496	3038	2950
Енисейская губ. 1902–1903 гг.			
Селения	5306	33 028	21 058
Города	556	3267	2712
Енисейская и Иркутская губ. 1904 г.			
Селения	4113	29 019	18 493
Города	511	3091	2719

* Данные таблиц 1–5 подсчитаны по: **Ефимов А.И.** Православное население... – С. 11–12, 15–17, 41–42; Статистика Российской империи. – Вып. 66. – С. 252–254, 276–277; Вып. 70. – С. 252–254, 276–277; Вып. 74. – С. 252–254, 276–277. В Томской губ. учтены только демографические события, случившиеся в среде приверженцев Русской православной церкви, составлявших, по данным источника, 91 % всего населения.

Нами проведена дополнительная математическая обработка привлеченной статистики. Для разных субрегионов, с дифференциацией их населения на сельское и городское, вычислено помесечное распределение в календарном году браков, рождений и случаев летальности. Пришлось считаться с тем, что статистика не дает (и вряд ли может давать) прямые, непосредственные сведения о календарном распределении таких важных с демографической точки зрения событий, как зачатия. Данные о зачатиях мы определяли приблизительно: в среднегодовом исчислении их число условно признали равным количеству рождений (см. табл. 1); выявляя же распределение зачатий по календарному году, сведения о числе рождений передвинули назад на девять месяцев – на срок обычной продолжительности женской беременности. Распределение демографических событий по месяцам было выражено, как принято в демографии, в относительных величинах (на каждую 1000 случаев, происшедших в течение года), что дало возможным представить ДДК и ГДК Сибири в их количественном выражении в виде серии таблиц. Вслед за количественным, был проведен содержательно-объяснительный анализ ситуации, и в результате появились выводы, представленные ниже с краткой их аргументацией.

Матримониальный календарь

Рассмотрим помесечное и посезонное распределение в календарном году городских и деревенских свадеб в Сибири (табл. 2). Представленные в таблице данные говорят о следующем: 1) числа во всех динамических рядах помесечных показателей колеблются в широких пределах, демонстрируя крайнюю неравномерность распределения браков по месяцам и сезонам; 2) ряды показателей выглядят схожим образом во всех столбцах, относящихся к «нормальному» периоду в истории Сибири, значит, брачный календарь являлся однотипным в разное время (в пределах изучаемой эпохи), в

деревенском и городском поселенческих комплексах, во всех сибирских губерниях; 3) экстремальная политическая обстановка 1904 г. исказила обычное календарное распределение свадеб. Приведем некоторые арифметические расчеты¹³, которые подкрепляют эти наши наблюдения.

2. Помесячное распределение браков, зарегистрированных в разные годы, ‰

Месяц	Томская губ. 1870–1880 гг.		Тобольская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская и Иркутская губ. 1904 г.	
	селения	города	селения	города	селения	города	селения	города
Январь	330	250	391	237	401	176	572	338
Февраль	178	143	169	127	187	151	2	22
Март	–	–	8	8	4	8	1	8
Апрель	53	72	35	57	52	73	73	84
Май	71	93	54	88	58	87	56	70
Июнь	39	31	38	31	40	45	26	9
Июль	82	91	62	96	40	86	43	100
Август	14	30	13	48	10	50	24	36
Сентябрь	40	66	26	78	12	79	30	72
Октябрь	103	120	95	132	68	107	74	134
Ноябрь	90	104	101	93	126	130	97	120
Декабрь	–	–	8	5	2	8	2	7

Измерим амплитуду годового колебания месячного количества браков с помощью адекватного показателя – среднего квадратического отклонения: оно показывает тот интервал, внутри которого колебались показатели вокруг их среднеарифметической величины, равной в данном случае 83 ‰. Показатель этот составлял в томских селениях 1870–1880 гг. 88 ‰, в тобольских деревнях 1902–1903 гг. – 103, а в енисейских – даже 109 ‰. В любом случае, он значительно превышал саму среднемесячную величину. В городах среднее квадратическое отклонение (в Тобольской губ. – 61; в Томской – 67; в Енисейской – 88 ‰) было меньше, чем в деревнях, но тоже достаточно большим в сравнении со среднемесячным показателем. В целом браки в городах Сибири распределялись по месяцам более равномерно, чем в селениях.

Годовой разброс свадеб в обычные времена строго подчинялся общим закономерностям, о чем свидетельствует синхронность помесячного изменения показателей во всех регионах и в обоих типах поселений. Коэффициенты линейной корреляции годовой динамики браков между сельскими местностями Томской, Енисейской и Иркутской губ. очень высоки: они достигают, по нашим подсчетам, 0,98–0,99. Линейная корреляция годового брачного цикла между городами тех же регионов тоже очень высока, ее коэффициенты составляют 0,93–0,95.

В контексте нашей темы важнее всего сравнить городские и деревенские матримониальные календари. Исчисленный нами коэффициент линейной корреляции сезонности свадеб между томскими селениями и городами в 1870–1880 гг. равняется 0,97. В Тобольской губ. 1902–1903 гг. соответствующий коэффициент достигает 0,92. Только в Енисейской губ. 1902–1903 гг. коэффициент линейной корреляции городского и деревенского календарей брачности попадает в диапазон не «очень высоких», а просто высоких значений, составляя 0,84.

Внимательно рассматривая весьма схожие матримониальные календари сибирских городов и селений, мы замечаем следующую общую картину. В каждый «нормальный» год во второй половине XIX – начале XX в. происходило два основных подъема брачной активности сибиряков. Зимний, максимальный по масштабам, подъем приходился на январь-февраль, когда деревенские жители играли в общей сложности 50–60 % всех свадеб, а горожане – 33–38 %. Менее масштабный осенний подъем отмечался в октябре-ноябре, на него приходилось до 20 % свадеб в селениях и 22–24 % – в городах. Пожалуй, стоит отметить еще небольшие всплески брачной активности населения в мае и июле. Более заметными они были в городах, где на эти месяцы приходилось свадеб больше, чем в среднемесечном исчислении. В марте и декабре брачная активность и сельского, и городского населения практически замирала. В июне и августе она была крайне низкой, и в остальные месяцы количество свадеб было невелико.

Выявленные здесь календарные распределения не противоречат данным, имеющимся в распоряжении этнографов, но, как нам представляется, способны их существенно обогатить. В этнографии зачастую выделяют в народном календаре единый в году осенне-зимний «свадебный период», который начинался у русских, в том числе и в Сибири, с Покрова Богородицы (1 октября¹⁴) и продолжался до Масленицы (она в изучаемую эпоху обычно приходилась на февраль). Уже в пределах этого периода этнографы обозначают «самое благоприятное время для свадеб» – мясоед, продолжавшийся с Рождества до Масленицы¹⁵. Однако при таком подходе недооценивается значение Рождественского, или Филиппова поста (с 15 ноября до 24 декабря), а также периода Святков между Рождеством и Крещением Христовым, когда Русская православная церковь не венчает браки. Важно понять, что в изучаемую эпоху ежегодно с 15 ноября до 8 января длился перерыв в брачной активности православных людей, которые составляли основную массу сибиряков. Поэтому правильнее говорить не об едином осенне-зимнем времени свадеб, а о двух периодах, причем, в соответствии с логикой календарного года, начинающегося с января, первым из них считать январско-февральский – после Крещения до Масленицы, а вторым – октябрьско-ноябрьский, с Покрова до Филиппова дня 14 ноября. Приоритет зимнего «времени свадеб» особенно явно проявлялся в селениях Восточной Сибири, где местами в январе-феврале играли более 70 % всех свадеб, а осенний всплеск брачности был ослаблен¹⁶. Однако в городах на востоке региона, судя по Енисейской губ. 1902–1903 гг., имела место даже большая, чем на западе, сбалансированность количества браков, заключенных зимой и осенью.

Наши источники дают возможность проследить нарушения, произошедшие в матримониальном календаре в 1904 г., в первые месяцы после вступления России в войну с Японией, когда одновременно обострилась и внутренняя обстановка в стране. В январе 1904 г., еще до вступления России в войну (она началась 26–27 января), успели вступить в

брак многие сибиряки. Но к началу февраля «сезон свадеб» досрочно завершился: в этом месяце в селениях Енисейской и Иркутской губ. было сыграно всего 18 свадеб, а в городах – 22. Брачная активность на время замерла в силу охватившей народ неуверенности в завтрашнем дне, из-за начавшегося призыва молодых людей в действующую армию. Однако постепенно матримониальная обстановка в российском тылу возвращалась к норме. Брачный календарь Енисейской и Иркутской губ. за 1904 г., взятый в целом, обладает высокой степенью корреляции с календарем Енисейской губ. довоенных 1902–1903 гг. Коэффициент линейной корреляции в городах составляет 0,73, в деревнях – 0,89. Сохранилась в 1904 г. и очень высокая степень сходства матримониальных календарей в селениях и городах: коэффициент линейной корреляции здесь равен 0,94. Можно сказать, что традиционный сибирский брачный календарь в обоих его поселенческих вариантах в целом выдержал испытания первого года Русско-японской войны.

Репродуктивный календарь

Обратимся теперь к рассмотрению регионального сибирского народного календаря зачатий (табл. 3) и тесно связанных с ними рождений (табл. 4). Уже при первом знакомстве с этим календарем обращает на себя внимание тот факт, что зачатия и рождения в календарном году распределялись по месяцам гораздо более равномерно, чем браки. Среднее квадратическое отклонение в динамических рядах репродуктивного календаря в «нормальные» годы второй половины XIX – начала XX в. было в Сибири на порядок меньше, чем аналогичный показатель в календаре брачности, составляя в селениях 7–8, а в городах – только 4–7 ‰.

3. Распределение зачатий в разные годы по месяцам, ‰

Месяц	Томская губ.	Тобольская губ.	Енисейская губ.	Енисейская и
-------	--------------	-----------------	-----------------	--------------

	1870–1880 гг.		1902–1903 гг.		1902–1903 гг.		Иркутская губ. 1904 г.	
	селения	города	селения	города	селения	города	селения	города
Январь	85	93	89	90	91	85	93	99
Февраль	85	84	85	82	91	87	66	75
Март	74	78	73	75	72	75	74	75
Апрель	89	84	89	81	85	82	91	78
Май	79	79	76	87	74	82	92	95
Июнь	84	80	85	93	86	89	85	88
Июль	75	78	67	75	75	80	79	73
Август	83	81	77	77	72	77	84	85
Сентябрь	95	94	91	95	89	83	82	79
Октябрь	92	89	97	93	90	86	83	85
Ноябрь	86	83	92	80	96	90	94	96
Декабрь	73	77	79	72	79	84	77	72

Тем не менее, количество зачатий и рождений варьировало в разные месяцы. Как показывают данные таблиц 3 и 4, кривые линии помесечных колебаний были более или менее сходными в разное время и в разных губерниях, особенно в селениях. Коэффициенты линейной корреляции детородных календарей в сельской местности Томской губ. 1870–1880 гг., Тобольской и Енисейской губ. 1902–1903 гг. являются высокими – от 0,70 до 0,89. В городах ситуация сложнее. Между томскими и тобольскими городами корреляция тоже высокая (0,75), но города тобольские и приенисейские имели среднюю корреляцию (0,54), а томские и приенисейские – слабую, на уровне 0,43. Характерно, что наибольшее сходство городской репродуктивный календарь обнаруживает в двух соседних губерниях Западной Сибири, а календарь городов восточносибирской Енисейской губ. стоит здесь особняком, имея существенные особенности.

4. Распределение рождений в разные годы по месяцам, ‰

Месяц	Томская губ. 1870–1880 гг.		Тобольская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская и Иркутская губ. 1904 г.	
	селения	города	селения	города	селения	города	селения	города
Январь	89	84	67	81	85	82	91	78
Февраль	79	79	77	87	74	82	92	95
Март	84	80	91	93	86	89	85	88
Апрель	75	78	97	75	75	80	79	73
Май	83	81	92	77	72	77	84	85

Июнь	95	94	79	95	89	83	82	79
Июль	92	89	89	93	90	86	83	85
Август	86	83	85	80	96	90	94	96
Сентябрь	73	77	73	72	79	84	77	72
Октябрь	85	93	89	90	91	85	93	99
Ноябрь	85	84	76	82	91	87	66	75
Декабрь	74	78	85	75	72	75	74	75

Сопоставление репродуктивных составляющих в ДДК и ГДК разных сибирских субрегионов выявляет любопытный факт. Городской и сельский детородные календари имели высокие коэффициенты линейной корреляции (по 0,85) в Томской и Енисейской губ. Однако в Тобольской губ. степень сходства в городах и деревнях была всего лишь средней, при коэффициенте в 0,68.

Анализ календарных распределений доказывает, что во всех субрегионах Сибири и в обоих типах поселений осенью, в сентябре-ноябре, происходило наибольшее количество зачатий. За три месяца их доля составляла не четверть, а 26–28 %. Соответственно, больше всего младенцев рождалось через девять месяцев – летом, в июне-августе. Определеннее всего осеннее учащение зачатий и летний всплеск рождений проявились в городах и селениях Тобольской губ. Второй по значимости и продолжительности в году подъем зачатий имел место зимой, в январе-феврале. Ему соответствовал подъем рождаемости осенью, в октябре-ноябре. Кроме того, в календаре можно найти два отдельных месяца с умеренно повышенным числом зачатий – апрель и июнь, они влекли за собой некоторое повышение числа рождений в январе и марте. В сельской местности эти одномесечные учащения зачатий происходили повсеместно. В городах же – вовсе нет. В апреле, судя по данным 1902–1903 гг., они не наблюдались в городах Тобольской и Енисейской губ. В июне 1870–1880 гг. их не было в томских городах.

Конечно, в репродуктивном календаре имелись и периоды спада. Обычно меньше всего зачатий происходило в марте, мае, июле-августе и декабре. Следовательно, интенсивность деторождения наиболее низкой была в

феврале, мае, сентябре и том же декабре. Однако в той или иной местности в отдельные годы общая закономерность могла нарушаться. Так, в 1902–1903 гг. в феврале не спад, а подъем рождаемости происходил в городах Тобольской губ., в сентябре не фиксируется спад в приенисейских городах. В эти же годы в мае и декабре не ниже, а выше среднемесячных были показатели рождаемости в тобольских деревнях.

В условиях политических потрясений начала XX в. репродуктивный календарь начинал деформироваться быстрее и, возможно, искажался в итоге гораздо серьезнее, чем календарь брачности. Об этом свидетельствуют, например, малые значения коэффициентов линейной корреляции у динамических рядов зачатий и рождений в Енисейской губ. в «нормальные» 1902–1903 гг., с одной стороны, в Енисейской и Иркутской губ. в «экстремальном» 1904 г., с другой. В селениях этот коэффициент равняется 0,27, в городах – 0,46; оба указанных коэффициента маркируют именно слабый уровень корреляции. Впрочем, деформация детородного календаря происходила не хаотично, а в соответствии с некими закономерностями параллельно в деревенской местности и городах. Коэффициент линейной корреляции сельского и городского вариантов репродуктивного календаря в Приенисейском крае и Прибайкалье в 1904 г. имеет высокое значение – 0,80.

Летальный календарь

Распределение смертности населения в ежегодном календарном цикле происходило гораздо более равномерно, чем распределение браков, но с меньшей равномерностью, чем в случае с зачатиями и рождениями (табл. 5). Среднее квадратическое отклонение в амплитудах летальности в городах Томской губ. 1870–1880 гг., Тобольской и Енисейской губ. 1902–1903 гг. исчисляется в пределах от 15 до 21 ‰, в селениях – от 17 до 32 ‰, причем максимальный разброс заметен в тобольских деревнях.

5. Помесячное количество случаев смертности в разные годы, ‰

Месяц	Томская губ. 1870–1880 гг.		Тобольская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская и Иркутская губ. 1904 г.	
	селения	города	селения	города	селения	города	селения	города
Январь	78	64	72	74	73	74	71	80
Февраль	67	63	63	79	64	73	76	81
Март	83	77	78	91	80	86	79	80
Апрель	80	75	71	90	74	94	72	89
Май	80	79	71	80	73	89	69	82
Июнь	92	123	77	94	84	92	94	104
Июль	123	131	156	137	118	117	124	110
Август	113	90	152	102	133	97	114	87
Сентябрь	81	76	79	61	90	68	77	69
Октябрь	71	80	60	57	73	76	73	73
Ноябрь	65	69	58	63	68	64	70	69
Декабрь	67	73	63	73	70	70	81	76

Динамические ряды смертности в «нормальные» годы второй половины XIX – начала XX в. обладают очень большим сходством во всех губернских ДДК, ведь коэффициенты линейной корреляции между ними составляют 0,93–0,96. Между ГДК Тобольской и Енисейской губ. 1902–1903 гг. сходство столь же велико (коэффициент – 0,94). Но более ранний по времени городской летальный календарь Томской губ. заметнее отличался от более поздних тобольского и енисейского городских календарей. Корреляция здесь, будучи достаточно высокой, выражалась меньшими коэффициентами на уровне 0,76–0,78. Сходство между годовыми циклами смертности в городах и селениях было высоким в губерниях Западной Сибири, независимо от разницы в хронологии: коэффициент линейной корреляции в Томской губ. 1870–1880 гг. равен 0,79, в Тобольской губ. 1902–1903 гг. – 0,82. Но в Приенисейском крае 1902–1903 гг. городской и сельский варианты летального календаря заметно обособлялись друг от друга: существующая между ними линейная корреляция (коэффициент – 0,69) является средней по величине.

Самая яркая черта летального календаря, которая присутствует в разное время во всех выделенных нами для изучения субрегионах Сибири, и в деревенских, и в городских поселениях – высокая степень концентрации

смертности в «тяжкую пору» июня-августа, в три летние месяца. Местами в сельской местности, правда, пик летальности захватывал еще и начало осени, поскольку приходился на июнь-сентябрь (Енисейская губ. 1902–1903 гг.). Местами он, наоборот, сокращался до двух последних месяцев лета (Тобольская губ. 1902–1903 гг.). В сезон летнего «разгула» смертности ее месячная доля в 1,4–1,9 раза могла превысить среднегодовой показатель. В остальные же месяцы она редко достигала среднегодовых величин. При внимательном анализе, впрочем, в тобольских и приенисейских городах в 1902–1903 гг. можно еще заметить небольшое повышение летальности весной.

Любопытная картина открывается, когда мы дифференцируем смертность населения по возрастам. У нас есть возможность разделить всех умерших в 1902–1903 гг. в Тобольской и Енисейской губ. людей на пять возрастных групп. Выделим младенцев, не достигших 1 года; младших детей (от 1 до 5 лет); старших детей, подростков и молодежь, не достигшую совершеннолетия (6–20 лет); взрослых трудоспособного возраста (21–55 лет); пожилых людей старше 55 лет (табл. 6). Рассматривая календарь летальности с этой позиции, увидим, что летний высокий подъем летальности во всем населении происходил главным образом за счет сверхвысокой смертности младенцев, не доживших до года, в июле-августе (Тобольская губ.) или июле-сентябре (Енисейская губ.). В Западной Сибири бытовала такая примета: если новорожденному ребенку посчастливилось пережить первый в его жизни август, то потом он будет жить долго.

6. Ежемесячное распределение случаев смертности в различных возрастных группах населения (1902–1903 гг.), ‰*

Месяц	В Тобольской губ. умерло в возрасте					В Енисейской губ. умерло в возрасте				
	до 1 года	1–5 лет	6–20 лет	21–55 лет	более 55 лет	до 1 года	1–5 лет	6–20 лет	21–55 лет	более 55 лет
Январь	55	92	91	90	92	59	84	88	87	86
Февраль	45	87	86	80	89	47	75	82	81	84
Март	57	101	110	96	108	64	97	99	92	96
Апрель	51	89	96	98	101	53	89	99	99	103

Май	55	86	103	99	84	54	96	113	96	87
Июнь	76	75	93	91	72	85	87	100	86	77
Июль	216	93	84	82	72	160	86	81	78	70
Август	210	99	74	76	66	182	91	74	74	78
Сентябрь	88	69	61	70	63	106	76	66	72	68
Октябрь	55	65	59	70	74	71	74	62	79	79
Ноябрь	45	67	68	76	81	57	76	67	74	85
Декабрь	47	77	75	72	98	62	69	69	82	87

* Подсчитано по: Статистика Российской империи. – Вып. 66. – С. 276–277; Вып. 70. – С. 276–277.

У детей в возрасте 1–5 лет в летальном календаре не было столь высокого пика смертности в летнее время, как у младенцев. Сезон повышенной смертности у них был растянут на много месяцев: обозначившись уже в январе-феврале, он затем с небольшими перерывами длился весной и летом до августа включительно. Население в возрастах от 6 до 20 и от 21 до 55 лет умирало чаще всего в первой половине года, с января до июня включительно (впрочем, в феврале здесь наблюдался небольшой спад смертности). Пожилые люди в возрасте старше 55 лет подвергались наибольшей опасности в холодное время года – зимой и весной, с декабря по май включительно. В Енисейской губернии сезон повышенной смертности начинался у них уже поздней осенью – в ноябре.

Начавшаяся Русско-японская война и рост внутривосполнительной напряженности в России в 1904 г. не оказали разрушительного влияния на состояние сибирского календаря смертности. Исчисленные нами коэффициенты линейной корреляции летальных календарей Енисейской губ. 1902–1903 гг., с одной стороны, Енисейской и Иркутской губ. 1904 г., с другой стороны, оказались высокими: 0,89 в городах и 0,90 в селениях. И все же в Приенисейском крае и Прибайкалье сильнее обычного выглядело в 1904 г. рассогласование летальной сферы ГДК и ДДК. Здесь коэффициент линейной корреляции динамических рядов помесечных показателей едва достигал 0,63.

Факторы бытования русского НДК в Сибири

Представленные выше в количественном выражении свойства сибирского демографического календаря во многих случаях нуждаются в объяснении, разумеется, с учетом соображений и выводов, ранее изложенных в работах других историков и этнографов. На складывание календарной ситуации, несомненно, оказывала совокупность нескольких взаимосвязанных факторов, действующих в сложном динамическом единстве.

Для начала примем в расчет действие природного фактора. Очевидно, что на демографический календарь влияет биология человека: сокращение осенью и зимой выработки мелатонина нужно принять в расчет, объясняя повышенное число зачатий в сентябре-ноябре и январе-феврале. Спад количества зачатий в марте, а рождений в декабре объясним с учетом того, что ранней весной происходит естественное снижение способности к оплодотворению. Опосредованно воздействовали на демографический календарь климатические условия Сибири. Недолгая продолжительность у нас теплого времени года приводит к высокой интенсивности хозяйственных работ, что, в конечном счете, сказывается на малом количестве свадеб в апреле, июне, августе-сентябре. Та же причина влияла на снижение сексуальной активности и соответствующее сокращение числа зачатий в мае, а также в июле-августе. Естественной причиной максимума смертности в июне-августе являлась присущая южной, наиболее заселенной полосе Сибири летняя многодневная жара. Она провоцировала ослабление человеческого (особенно детского) организма и бурное размножение опасных для него вирусов.

Особенности хозяйственной деятельности населения являлись экономическим фактором формирования годового цикла демографических событий. На весну, лето и начало осени приходилась интенсификация многих сезонных производственных процессов. Имеются в виду, главным образом, сельскохозяйственные работы – полеводство, скотоводство, огородничество, заготовка сена, собирательство, но также участие в рыбном

и охотничьем промысле, парходные работы и др. Такие занятия были присущи не только сельчанам, но и значительной части жителей городов Сибири – крестьянам-отходникам, городскому крестьянству, рабочим и мещанам, в наибольшей степени – жителям средних и малых городов (такие города исследователи даже называют «аграрными»)¹⁷. Интенсивность работы сезонно повышалась или понижалась и для горожан, занятых в ряде отраслей промышленного производства (переработка сельскохозяйственного сырья, горнодобывающая промышленность и пр.), на водном и гужевом транспорте, в сфере передвижной торговли.

Возрастание или сокращение хозяйственной нагрузки на сельчан и горожан в разные месяцы – одна из важных причин имевшего место в ДДК и ГДК заметного колебания матримониальной и детородной активности, а также повышения или снижения летальности. Экономический фактор нужно обязательно учитывать, объясняя малое количество браков в марте-апреле, июне, августе-сентябре: это периоды наиболее интенсивных сельскохозяйственных и некоторых промысловых занятий. Конечно, с ним были связаны и оба максимума матримониальной активности – в январе-феврале и октябре-ноябре: в это время часть сезонных работ сворачивалась, люди имели продукты и доходы от своего хозяйства, у них появлялись деньги и свободное время для свадебных церемоний. Воздействие того же фактора (наряду и во взаимосвязи с другими) приводило к тому, что в весенне-летний период снижалось, а в осенне-зимнее время повышалось количество зачатий. Это, в свою очередь, вело к соответствующему сезонному сокращению или повышению рождаемости. Ежегодный всплеск смертности сибиряков весной, очевидно, был связан с необходимостью для многих крестьян и горожан в обманчивую весеннюю погоду работать вне теплого помещения.

В качестве культурно-религиозного фактора бытования НДК действовал механизм воспроизводства в сибирских деревнях и городах традиционных демографических представлений и норм демографического поведения. Воспринятые от предков, освященные общественным мнением правила

требовали играть свадьбы осенью «в Казанскую» или в конце зимы «на пестрой неделе», не препятствовали бурному всплеску половой активности в периоды выхода из длительных постов и т. д. Православная церковь регламентировала время венчания браков, предписывала периоды воздержания от сексуальных связей, а значит, регулировала сезонность свадеб, зачатий и рождений.

Сравнение субрегиональных вариантов ДДК и ГДК Сибири показывает высокую степень сходства обоих по основным параметрам. Это указывает на однотипность демографических представлений и демографического поведения жителей в городских и сельских поселениях. В указанном сходстве городского и деревенского календарей проявляется традиционный характер того и другого. Возникнув и получив наиболее полное развитие в деревенской, крестьянской среде, традиционный демографический календарь закрепился и в городах по мере их развития. Его доминирование здесь поддерживалось процессом руризации («окрестьянивания») городов в ходе заселения их все новыми группами уходящего из деревень крестьянства.

Однако все же во второй половине XIX – начале XX в. наметились перспективы модернизации сибирского НДК, в городах – более зрелые и явственные, чем в селениях. Одним из признаков начальной стадии модернизации ГДК можно считать более равномерное, чем в ДДК, распределение всех демографических событий по месяцам года. Конечно, относительная «сглаженность» городского календаря имела также фундаментальную причину, действовавшую и раньше: образ жизни горожан всегда меньше зависел от ежегодных природно-климатических циклов, чем жизнь сельчан. Однако в изучаемый период появились и дополнительные факторы. В ходе секуляризации и рационализации общественного сознания и поведения людей происходило ослабление зависимости демографической сферы общества, прежде всего в среде интеллигенции, чиновничества, образованной части предпринимателей, от требований религии и церкви. В условиях начавшихся урбанизации и индустриализации устаревали и

становились неактуальными установки деревенской аграрной среды, сила сложившихся здесь традиционных сезонных ограничений брачной и сексуальной активности ослабевала.

В заключение укажем, что описанное выше характерное для НДК Сибири помесячное и сезонное «нормальное» распределение демографических событий в экстраординарных случаях нарушалось. Наиболее значимые нарушения происходили в периоды участия России в крупномасштабных военных действиях, ведь из народонаселения региона, из повседневных демографических отношений оказывалась изъятой большая часть мужчин брачного и репродуктивного возраста, увеличивалась физическая и психологическая нагрузка на оставшихся в тылу людей, перераспределялись хозяйственные работы в семьях и т. д. Наш анализ показал, что признаки календарного «нестроения», дезорганизации НДК (впрочем, пока еще не фатальные) проявились уже в первый год Русско-японской войны. Можно уверенно предположить, что в дальнейшем – в разгар Русско-японской войны в 1905 г., в годы трех революций, гражданской войны и иностранной интервенции – происходили гораздо более масштабные и разрушительные кризисы в демографической сфере регионального социума Сибири.

---

¹ См.: **Зверев В.А.** Народный демографический календарь как объект социально-исторического исследования // Актуальные вопросы истории Сибири: III Науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. – Барнаул, 2002. – С. 306–309.

² См.: **Бернштам Т.А.** Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988. – С. 230–248; **Макашина Т.С.** Свадебный обряд // Русские. – М., 1997. – С. 474; **Любимова Г.В.** Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири, XIX – начало XX в. – Новосибирск, 2004. – С. 122–126; и др.

³ См.: **Зверев В.А.** Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск, 1993. – С. 78–80, 83–84, 94–96; **Он же.** Семейный демографический календарь: Годовой цикл свадеб, рождений и смертей в селениях Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья в ракурсе социального знания. – Барнаул, 2001. – С. 127–145; **Он же.** Семейный демографический календарь Русского

Севера на рубеже XIX–XX вв.: связь сельского и городского вариантов // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». – Петрозаводск, 2003. – С. 174–177; и др.

⁴ См.: **Баяндин В.И.** Село Бердское: брак по церковным книгам (конец XIX – начало XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск, 1996. – Вып. 3. – С. 2; **Он же.** Село Ордынское, сто лет тому назад... // Ордынская газета. – 1996. – № 101–107; **Он же.** Чулым перед революцией // Материалы научно-практической конференции: Обл. краевед. музей. – Новосибирск, 1997. – С. 46–48; и др.

⁵ См.: **Сагайдачный А.Н.** Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Новосибирск, 2000. – С. 71–72, 82–85.

⁶ **Зверев В.А.** Годовой цикл рождаемости у русских крестьян Зауралья: влияние природы, экономики и культуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999. – С. 25.

⁷ См.: **Баяндин В.И.** Метрические книги г. Каинска первой трети XIX в. // Куйбышев (Каинск): исторический опыт социально-экономического и культурного развития. – Куйбышев [Новосиб. обл.], 1997. – С. 32–33; **Он же.** Коллекция метрических книг Алтая в фондах Государственного архива Новосибирской обл. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2001. – Вып. 4. – С. 229–230.

⁸ **Лобанова К.В.** Особенности городской крестьянской семьи Тюмени второй половины XIX – начала XX в. // История и культура городов России: от традиции к модернизации: Материалы Всерос. науч. конгр. – Омск, 2006. – С. 82–83.

⁹ См.: **Гончаров Ю.М.** Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2004. – С. 219–221; **Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.** Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. – 2-е изд., доп. – Барнаул, 2007. – С. 72–73, 80–82, 244; и др.

¹⁰ **Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.** Указ. соч. – С. 73.

¹¹ См.: **Ефимов А.И.** Православное население Томской губ. по данным 1870–1880 гг. – СПб., 1890.

¹² См.: Статистика Российской империи. – СПб., 1907. – Вып. 66: Движение населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г.; 1909. – Вып. 70: Движение населения в Европейской России, в двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской и Семипалатинской обл. за 1903 г.; 1911. – Вып. 74: Движение

населения в Европейской России и в двух губерниях Сибири: Иркутской и Енисейской за 1904 г.

¹³ Методику исчисления показателей вариации и корреляционного анализа парных зависимостей, примененную в статье, см.: **Славко Т.И.** Математико-статистические методы в исторических исследованиях. – М., 1981. – С. 47–58, 87–94.

¹⁴ Все календарные даты приведены в статье по юлианскому календарю (по «старому стилю»).

¹⁵ **Любимова Г.В.** Возрастной символизм... – С. 122.

¹⁶ См.: **Кривошапкин М.Ф.** Енисейский округ и его жизнь. – М., 1865. – С. 39; **Кокоулин К.К.** Естественное движение населения в Киренском уезде Иркутской губ.: (Брачность. Рождаемость. Смертность) // Известия / Рус. Геогр. о-во. Вост.-Сиб. отд. – 1903. – Т. 34, № 2. – С. 137; **Болонев Ф.Ф.** Месяцеслов семейских Забайкалья: (Праздники в числах). – Новосибирск, 1990. – С. 38; и др.

¹⁷ **Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.** Города Западной Сибири... – С. 230. Подробнее см.: **Гончаров Ю.М.** Между городом и деревней: Сельскохозяйственные занятия горожан Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Сибирский город XVII – начала XX в. – Иркутск, 2006. – С. 3–18.